

УДК 378.4

УНИВЕРСИТЕТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ключевые слова: университет, общество знаний, этическая база, глобализация.

Хуранов А.Б.

кандидат биологических наук, доцент,
начальник учебно-методического
управления Кабардино-Балкарского
государственного университета
им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

Университеты (от лат. universitas – совокупность, общность) – высшие учебные заведения, ведущие подготовку специалистов по совокупности дисциплин, составляющих основы научного знания. История университетов начинается с эпохи западноевропейского средневековья и связана с ростом городов, потребностям развивающейся городской экономики и культуры [4].

Университеты как самостоятельные учреждения впервые оформились в Южной и Западной Европе в середине средневековья. Прилагательное «самостоятельный» имеет два важных аспекта. Во-первых, академические институты существовали в Европе и до возникновения университетов (или *studium generale*): в Нортумбрии в VII в. (Беда). Но это были монастырские или придворные школы, организационные элементы более крупных структур. Во-вторых, академические организации существовали на византийском Востоке, где сложились институты, более схожие с университетами, и в исламском мире, где единство религии и государства препятствовало обретению ими самостоятельности. Хотя структурная дифференциация средневекового университета носила определяющий характер для дальнейшего развития, ее значение с интеллектуальной и нормативной точек зрения часто преувеличивают [1].

С началом Возрождения – и в особенности в период Реформации – организационная (полу) независимость университетов достигла заметного уровня. После раздробления средневековой Европы университеты играли важную роль в становлении государственности. Они готовили новую (более светскую) бюрократическую элиту, играли роль посредников между торговой и придворной культурами и распространяли современные интел-

лектуальные ценности, обеспечивая идеологическое обоснование новому политико-религиозному порядку и протонаучной культуре. Многие университеты были основаны с 1500 по 1700 г. Одним из показателей влияния университетов в тот период может служить проникновение их в жизнь общества, в том числе в социальную сферу. В Англии в состав так называемого Долгого Парламента, созданного в 1641 г. и фактически развязавшего войну против Карла I, вошло значительное число выпускников университетов. Их было так много, что лишь в 1945 г. в парламенте Великобритании заседало больше обладателей университетских дипломов [3].

Тем не менее во многих отношениях этот повторный расцвет европейских университетов оказался ложным. С середины XVII до конца XVIII в. университеты пережили период застоя с точки зрения как численности студентов, так и интеллектуальной вовлеченности [12]. В течение более чем ста лет интеллектуальные и научные инновации осуществлялись по другим каналам – через новые академии наук, практикующих инженеров, иллюминатов Просвещения, зарождающиеся влиятельные СМИ и индустрию книгопечатания, радикальную мысль и революционных политиков. Университеты до некоторой степени участвовали в научно-технической революции, но их роль в Просвещении была скорее косвенной, даже случайной, и ценностные системы развивались помимо них. Можно без преувеличения сказать, что к 1800 г. университеты подвергались опасности вытеснения иными, более современными академическими институтами [5].

Университеты возродились лишь в XIX в. Это явление носило общеевропейский (а ныне – всемирный) ха-

рактер, и именно поэтому основание Берлинского университета, которое на самом деле было лишь одним из незначительных эпизодов возрождения Пруссии после победы над Наполеоном, теперь считается одним из исторических тотемов. Третья волна процветания университетов была обусловлена многими факторами – политическими тенденциями, в частности, связанными со становлением национальной государственности; интеллектуальными и культурными переменами, вызванными упадком религиозности; развитием науки по мере упрочения взаимосвязей между теоретической наукой и прикладной техникой; изменениями в социально-экономической сфере в результате становления массовых, урбанистических и все более демократических обществ. Университеты внесли значительный вклад в усовершенствование и распространение этой новой культуры, но скорее в качестве последователей, чем лидеров. Фундаментальные импульсы все еще возникали за пределами университетов.

О том, что представляла собой эпоха конца XVIII – начала XIX в. в культурно-просветительском плане, свидетельствуют политики, поэты, историки, педагоги, литераторы, художники. Вот как об этих временах писал Л. Фейхтвангер в романе «Гойя»: «Миллионы людей, до того ни разу не державшие в руках книги, начинают читать и получать от чтения удовольствие. Но церковь запрещала большинство ярких и интересных произведений, которые хвалили знатоки. В Испании тех, кто преступал этот запрет, выставляли к позорному столбу, били кнутом и бросали в темницу, а в монархии Габсбургов даже крупных чиновников увольняли, если было доказано, что они читают запрещенные

сочинения...» Француз Ж. Кондорсе обосновал необходимость цивилизационно-материалистического взгляда на всемирную историю. Астроном П. Лаплас научно объяснил происхождение планет. Американский мыслитель Т. Пейн работает над учебником рационализма – «Веком разума». Английский историк Э. Гиббон в «Истории упадка и разрушения Римской империи» с иронией изображает возникновение христианства как возврат к варварству, а немецкий философ и писатель Ф. Шлейермахер пишет книгу «Речи о религии к образованным людям, ее презирающим» [2].

Эпоха капитализма обусловила необходимость приспособления университетов к потребностям буржуазного общества: придания университетскому образованию светского характера, освобождения его от догматизма и схоластики, превращения университетов в центры новой, опытной науки, что в западноевропейских университетах особенно проявилось в XIX в. [4].

В XX в. участие университетов в социальной сфере значительно активизировалось. Общество признало важность научного знания для поддержания и наращивания промышленного и военного потенциала, и в течение столетия позиции университетов в производстве этого научного знания постепенно укреплялись. Демократизация общества привела к возникновению массовых систем высшего образования, в которых традиционные университетские ценности до некоторой степени отошли на второй план [14]. К концу века университеты играли решающую роль в формировании разделения труда; исследовательская деятельность, участие в создании новых технологий, а также преподавание и подготовка технических (и других) специалистов позволили университетам

взять на себя определяющие функции в сфере передачи и распространения культурного и социального капитала по мере отмирания устаревшего социального разделения по классовому и половому признакам.

Однако какую роль играли университеты в формировании ценностей? На этот вопрос ответить труднее. С одной стороны, очевидно, что в этом плане в XX в. влияние университетов возросло по сравнению с предыдущим столетием. Во-первых, развитие общественного сектора и государства всеобщего благосостояния, в рамках которых существуют современные системы высшего образования, способствовало укреплению организационной независимости университетов, в частности, от промышленных субсидий и вносимой студентами платы. Во-вторых, университеты всегда ассоциировались с радикальными мыслительными течениями, в первую очередь в силу природной новизны науки, критической культуры познания и либеральных взглядов студенчества. За последнее столетие эта ассоциация из подразумеваемой превратилась в явную. Особенно наглядно это проявилось в 1960-х гг., когда интеллектуальное возбуждение и политический радикализм образовали сочетания, невиданные с конца XVIII – начала XIX в., если не со времен Реформации.

С другой стороны, современный университет жестко подчиняется прикладным ценностям так называемого общества знаний. Во-первых, в наши дни университет – лишь один из многочисленных типов образовательных учреждений, где нередко случаи заимствования чужих ценностей и практических методов. Тем самым как организационная независимость университетов, так и их способность вырабатывать собственные ценности

уже подвергается сомнению. Во-вторых, важнейшей целью современного университета является удовлетворение потребностей в знаниях в постоянно специализирующемся обществе – как с точки зрения подготовки высококвалифицированных специалистов, так и в плане производства высокотехнологического знания. Более традиционные задачи высшего образования, связанные с личным развитием и критическим мышлением, совершенно очевидно отошли на второй план. А поскольку академические ценности в первую очередь выражались именно через эти, ныне второстепенные цели и задачи, представляется правомерным вывод о сокращении нормативного влияния университетов.

Принято считать, что ориентированный на элиту университет по ряду причин держался в стороне от общества. Во-первых, можно было не сомневаться в том, что он слишком далеко не отклонится от общепринятых норм и не будет противостоять преобладающей интеллектуальной культуре, поскольку общественные и университетские лидеры принадлежали к общей элите. Во-вторых, элитарный университет, в отличие от сменивших его массовых систем высшего образования, был сравнительно невелик и, следовательно, незначительно обременял общественный бюджет (и, возможно, был менее заметен в политическом плане). В-третьих, взаимосвязь между элитарными университетами, с одной стороны, и индустриальным обществом и бюрократическим государством, с другой, носила менее прямой и менее интенсивный характер, чем соотношение между массовым высшим образованием, наукоемким обществом и рыночным государством. Дистанцированность от общества позволила элитарным университетам вы-

рабатывать собственные ценностные системы – тесно увязанные, но все же отличные от систем, принятых в обществе в целом, а затем распространять их, отчасти посредством учебной и исследовательской деятельности, но в основном благодаря своей ключевой роли в формировании элиты.

Массовые системы высшего образования не способны сохранять эту критическую дистанцию между собой и обществом. Они функционируют полностью в рамках общества – опять-таки по ряду причин. Во-первых, массовые системы высшего образования помимо классических университетов включают вузы другого типа – политехнические и высшие специальные учебные заведения, имеющие скорее профессиональную, чем научную ориентацию и руководствующиеся прикладными, а не либеральными (академическими) ценностями. В некоторых системах высшего образования вузы неуниверситетского типа составляют подавляющее большинство. Во-вторых, даже классические университеты в настоящее время осуществляют функции, коренным образом отличные от их традиционной роли, – учреждают бизнес-школы, внедряют программы обучения без отрыва от производства или создают подразделения по передаче технологий.

В-третьих, становление общества знаний привело к размыванию границ между ранее четко очерченными сферами, такими как политика и рынок, наука и культура. Будучи одним из самых динамичных институтов общества знаний, университет наиболее подвержен подобной эрозии – в результате успехи университетов в решении научных и технических проблем привели к подрыву их автономии. И наконец, массовые системы высшего образования утратили свою связь с воспроиз-

водством элиты. Собственно же элита, насколько этот термин актуален в современном обществе с его гораздо менее стабильной властной структурой, увеличилась и стала более гибкой. В результате взаимное доверие, связывающее элитарные университеты с так называемым истеблишментом, оказалось подорванным. Именно в силу вышесказанного массовое высшее образование не обладает независимостью, которой ранее пользовались элитарные университеты, и, соответственно, не в состоянии генерировать свои характерные системы ценностей.

Выше изложена стандартная точка зрения, которая представляет собой историю постепенного упадка. Ускорение и нестабильность, присущие современному обществу, вызывают у публики сожаление и ностальгию, благодаря которым подобные истории принимаются с готовностью. «Опрошение» университетов, крах традиционных стандартов, их неспособность выступить с независимой и действенной критикой общества, крушение их этической основы – вот о чем постоянно говорится каждый раз, когда речь заходит об университетах. Однако насколько точно эти жалобы описывают сложившуюся ситуацию?

Возможна иная точка зрения, которая исходит из того, что элитарные университетские системы носили закрытый характер как в социальном, так и в интеллектуальном плане. Поэтому их способность критически оценивать доминирующие социальные нормы и структуры (и вырабатывать подлинно независимую этическую базу) была весьма ограниченной. Социальная и политическая элита, с одной стороны, и интеллектуальная и научная, с другой, всегда находились в согласии, зачастую скрытом, особенно в вопросах, касающихся войны. Обе мировые вой-

ны не только явились движущей силой количественного развития высшего образования и, несомненно, способствовали демократизации университетов, но и выявили порочные связи между политическими, военными и научными властными структурами. До возникновения массовых университетов критически настроенные интеллектуалы группировались вокруг других общественных институтов, нередко вокруг журналов или газет, или образовывали группировки без институциональной поддержки, «на вольном ветру», по меткому выражению Джорджа Штайнера [16]; элитарные университеты в этом процессе не участвовали. Их деятельность была направлена на формирование будущих лидеров государственной бюрократии и элитарных профессиональных областей, и в меньшей степени – промышленности и коммерции.

Массовые системы высшего образования, напротив, носят более открытый характер – не только потому, что в них поступает значительное число студентов, в большинстве не относящихся к привилегированным социальным слоям, но и потому, что они по определению обязаны учитывать и применять неэлитарные, даже альтернативные традиции и подходы к знаниям. Отчасти это объясняется необходимостью адаптации к потребностям студентов нового типа, а также дроблением и разрастанием знания. Даже самое поверхностное изучение свидетельствует о том, что в массовых системах высшего образования взаимосвязь между предпочтениями студентов и преподаваемыми предметами, с одной стороны, и рынком труда, с другой, гораздо теснее, чем в элитарных. В этом смысле массовые системы носят более прикладной и менее научный характер. Однако здесь возможно

непонимание: выявление этих связей между высшим образованием и экономикой может также свидетельствовать об ослаблении скрытых взаимозависимостей и соображений, обусловленных тайным своекорыстием. Планирование и регулирование массовых систем осуществляется таким образом, чтобы их освободительный потенциал, их сознательная неограниченность поддерживались и сохранялись. Поэтому им нельзя доверять так же, как элитарным системам. Более открытые (и демократические?) системы высшего образования могут прийти к разработке альтернативной этики, отличной от доминирующей в обществе этической системы.

Значение тесно переплетенных взаимосвязей между массовыми системами высшего образования и так называемым обществом знаний также может быть неверно истолковано. На первый взгляд, напрашивается простейший вывод: высшее образование вошло в производственную базу и, следовательно, лишилось той самостоятельности, которая ранее позволяла ему служить основой для формирования собственной этической системы. Знание само по себе является как первичным ресурсом (с точки зрения вложений, например, новейших технологий), так и первичным предметом потребления (с точки зрения идей и образов), поэтому теперь его уже нельзя четко отделить от остальных вкладываемых ресурсов и производимых предметов потребления [7]. Знание вторгается в общество, но и общество вторгается в знание.

При более глубоком и детальном рассмотрении становится понятно, что отношения между высшим образованием и обществом знаний носят комплексный и неоднозначный характер. Современные системы высшего обра-

зования состоят из чрезвычайно разнородных институтов. Их деятельность не только выходит за рамки традиционной роли элитарных университетов, эти институты пересекаются с обществом на разных уровнях – от выполнения исследований высокого уровня, разработки новейших технологий и подготовки технической и профессиональной элиты до массового выпуска специалистов. В результате связи некоторых уровней обуславливают более тесное вхождение высшего образования в общество знаний, в то время как другие на самом деле способствуют укреплению его независимости или, если уж не укрепляют независимости высшего образования, то, по крайней мере, усугубляют зависимость различных социальных и экономических институтов от высшего образования [13].

Современные системы высшего образования допускают (и даже приветствуют) значительное разнообразие традиций знания. Они выходят за пределы традиционных научных (академических) и элитарных профессиональных культур (которые, кстати, также подверглись радикальным трансформациям) и включают профессиональные и даже популярные культуры. И снова эти разнообразные культуры пересекаются с обществом знаний по-разному и на различных уровнях. Часть взаимосвязей может быть объяснена с позиций вхождения высшего образования в производственную базу; остальные зависимости способствуют возрастанию культурной интенсивности и, соответственно, напрямую объясняют эволюцию ценностных систем. Итак, с точки зрения высшего образования будет неверным утверждать, что тесные взаимоотношения с обществом знаний неминуемо подрывают его способность к сохранению и развитию своей собственной этической базы.

Напротив, можно утверждать, что само разнообразие академических дисциплин и вариантов профессиональной подготовки, практикующихся современными системами высшего образования, усугубляет, а отнюдь не уменьшает важность выработки этой этической базы по двум причинам. Во-первых, этика, по крайней мере, обладает потенциалом сплачивать и скреплять элементы, которые в противном случае представляли бы собой несопоставимые и несовместимые традиции знания. Насколько это верно на практике, неизвестно, но это положение в целом соответствует идеалам единства высшего образования, и в силу этого им нельзя просто пренебречь. Во-вторых, этические соображения все активнее вторгаются в области, ранее считавшиеся чисто специальными или даже техническими. Анализ учебных планов по разным профессиональным дисциплинам свидетельствует о важности этических положений. Так, сейчас инженеров подробно знакомят с определенными областями права и экологии, которые им предстоит учитывать в своей профессиональной деятельности.

Более детальное рассмотрение позволяет выделить еще одно положение, доказывающее комплексный и неоднозначный характер взаимосвязей между современным высшим образованием и обществом знаний. Университеты взаимодействуют с обществом знаний на разных уровнях и различными способами; само общество знаний является гетерогенным и противоречивым образованием [15]. Зачастую внимание уделяется лишь одному аспекту – неотвратимому развитию информационных и коммуникационных технологий и его последствиям. Этот аспект, несомненно, в значительной степени обуславливает модификации

социального поведения и экономических структур, которые ассоциируются с представлением об обществе знания, например – создание глобального языка посредством распространения мощных образов и брендов или круглосуточные глобальные финансовые и другие рынки.

Однако общество знаний не следует сводить исключительно к триумфу свободно-рыночного капитализма, либеральной демократии и атеизма. Для начала очень трудно отделить общество знаний от явления глобализации; ключевым моментом обоих феноменов является фактическое уничтожение времени и пространства, которыми теперь можно практически произвольно манипулировать. Манипуляция пространством и временем позволяет создать неслыханные ранее глобальные конфигурации производства и потребления; еще более важно то, что она обуславливает практически бесконечно пластичное социальное и личное отождествление, свойственное современному (или постмодернистскому?) миру [11]. Социально-культурные аспекты общества знаний не менее, если не более важны, чем экономические и технологические.

Можно выделить несколько ключевых тенденций, присущих обществу знаний (и глобализации) [10]. Первая – ускорение и тесно связанная с ним сложность, комплексность. Ускорение и перемены принято считать явлениями, во-первых, относящимися в основном к технологической и экономической сфере (как результат развития ИКТ и триумфа рынка), а во-вторых, линейными и предсказуемыми. Но ускорение является также научным, интеллектуальным и культурным явлением, которое к тому же нередко носит ненаправленный характер. Вторая тенденция – неуверенность, или риск,

поскольку общество знаний – общество риска [6]. Эта неуверенность имеет два аспекта. Первый обычно описывают исключительно отрицательными эпитетами как оборотную сторону экономического роста и социальных перемен: загрязнение окружающей среды и подрыв семейных устоев. Второй, более позитивный аспект заключается в том, что успешная наука ныне, как, впрочем, и всегда, генерирует неуверенность: одна проблема разрешается лишь затем, чтобы на ее месте возникла другая. В течение некоторого времени эта неуверенность ограничивалась лишь рамками относительно безопасной интеллектуальной сферы. Теперь она хлынула в общество. Тем самым неуверенность тесно взаимосвязана с потенциалом, который, в свою очередь, является важнейшим элементом создания инноваций.

Третья тенденция заключается в том, что общество знаний представляет собой спорные территории. Во-первых, как уже упоминалось, его последствия не ограничиваются исключительно экономической сферой, они проявляются также в социальной и культурной областях. Повседневные жизни людей текстурируются брэндами, которые зачастую сами локализованы; жизненные шансы, ранее представлявшие собой лишь сырье для экономических подсчетов рыночных правых и социалистических левых, вытеснены жизненными стилями, даже жизненными брэндами. В чисто практическом смысле общество знаний выходит за пределы рынка. Во-вторых, общество знаний, равно как и глобализация, чрезвычайно идеологизировано. Стремление к победе, присущее идее «Конца истории» (именно так наивно Фрэнсис Фукуяма назвал свою опубликованную десять лет назад книгу), утеряно [9]; неверным оказалось вы-

сказанное еще одним американским автором – Филипом Боббитом – предположение, что в ходе масштабных исторических сдвигов национальное государство, или государство всеобщего благосостояния, сменяется рыночным государством [8].

Общество знаний, отнюдь не являющееся в первую очередь техническим (или технократическим) явлением, перегружено ценностями. Современные системы высшего образования, открытые и чрезвычайно разнородные, вынуждены взаимодействовать с этим динамичным, комплексным, многослойным, неоднозначным и подвижным обществом нового типа. Ценностные системы, как в высшем образовании, так и в обществе в целом, нестабильны, что приводит к расширению этического взаимодействия между первым и последним. Можно сказать, что в современных условиях все проблемы так или иначе связаны с этикой. Более не существует проблем чисто технического или чисто экономического характера. Таким образом, наблюдавшаяся в XX в. тенденция к упрочению взаимосвязей между высшим образованием и экспертно-профессиональным обществом ныне действует в обратную сторону: как образование, так и общество значительно усложнились и утратили четкие границы. В результате взаимосвязи между ними неоднозначны и их нельзя больше свести к относительно беспроblemному специальному, техническому и научному обмену.

Литература

1. *Зубарев, В.И.* Системы высшего образования стран Запада: справочник / В.И. Зубарев, А.Е. Голубев, В.Ф. Станис. М.: Изд-во УДН, 1991.
2. *Кинелев, В.Г.* Образование, воспитание, культура в истории цивилизации / В.Г. Кинелев, В.Б. Мионов. М.: ВЛАДОС, 1998.
3. *Скотт, П.* Этика в высшем образовании и для него / П. Скотт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aha.ru>.

4. Советский энциклопедический словарь. М., 1995.
5. A History of the University in Europe: Vol. II. Universities in Early Modern Europe (1500–1800) / Ed. by H. De Ridder-Symeons. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
6. Beck, U. What is Globalization? / U. Beck. Cambridge: Polity Press, 2000.
7. Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society / D. Bell. N.Y., 1973.
8. Bobbitt, Ph. The Shield of Achilles: War, Peace, and the Course of History / Ph. Bobbitt. L.: Allen Lane, 2002.
9. Fukuyama, F. The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. N.Y.: Free Press; Toronto: Maxwell-Macmillan Canada, 1992.
10. Nowotny, H. Rethinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty / H. Nowotny, P. Scott, M. Gibbons. L.: Polity Press, 2001.
11. Nowotny, H. Time. The Modern and Postmodern Experience / H. Nowotny. Cambridge: Polity Press, 1994.
12. Porter, R. The Scientific Revolution and Universities / R. Porter // A History of the University in Europe: Vol. II. Universities in Early Modern Europe (1500–1800) / Ed. by H. De Ridder-Symeons. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
13. Scott, P. Decline or Transformation? The Future of the University in a Knowledge Economy and Post-Modern Age // P. Scott // The University and the Knowledge Society / Ed. by P. Baggen, A. Telling, W. Van Haaften. Bommel: Concorde Publishing House, 1999.
14. Scott, P. The Meanings of Mass Higher Education / P. Scott. Buckingham: Open University Press, 1995.
15. Stehr, N. Knowledge Societies / N. Stehr. L.: Sage, 1994.
16. Steiner, G. Language and Silence / G. Steiner. London: Faber (also published, in 1984, in George Steiner. A Reader. Harmondsworth: Penguin), 1965.